

MISERICORDIA ДЛЯ ПОПУГАЯ

Вообще, если о жалостном так всерьез говорить, то случаи и просто страшные бывали. Мне вот написали тут, с мест – помнишь, я про попугаев рассказывала: так вот, люди откликнулись! На местах тоже имеются попугаи. И один себе попугай, наш причем, русский, он два дня слушал, как девочка плакала. Она тогда в институт не поступила. Два дня надсаживалась. А попугай слушал и вздыхал незаметно. А потом просто умер. С жердочки кувырнулся и не дышит.

Страшно-то как про такое читать, Наташа. Вот ведь птица же, а нервы ни к черту. Переживал, поди, и молчал, молчал, все в себе таил. А людям дарил – только песни. Я коту даже историю эту прочитала. Пусть все-таки задумается, дрянь такая. А то никакого проку с него, одни запахи.

* * *

Мы тут с утра за клубникой ходили и Леху-дальнобойщика на шопинге встретили, у него жена в Канаде. Он уже лет десять колотится чтоб ее легализовать. Ребенку два с половиной года исполнилось, и на границе все его уже знают – он туда-сюда два раза в неделю лазит. Через Пенсильванию, мимо Ни-а-гар-ского водопада, вот так. А чего делать.

Она вначале с родителями в Канаду приехала, в прошлом веке еще. И они на беженство все подали: родителям причем одобрили, а ей отказали. Оснований вроде недостаточно, или еще чего. Так что с Канады ее выслали. Но она исхитрилась как-то пробраться в Америку. Она на батумской таможне раньше работала, у ней способности. И поймала тут себе по-быстрому Леху. Он тогда бесхозный был, хотя разгильдяй. Пришлось жениться. И опять начали ее легализовать. Пошли, как водится, к русскому адвокату, а та им такую кашу заварила густую, что жена лехина опять попала под депортацию, теперь уже в Америке.

И опять ее выслали, но она как-то умудрилась обратно пролезть в Канаду и там затухнуть – я ж говорю, она с таможни, там керосинят. А сейчас родители ее уже гражданство канадское получили, и дети американцы прирожденные, и Леха сам как тройной гардероб, а она все без паспорта.

Рассказали мы Лехе благую весть за Мегаторонто с его мегасервисом за 500 бакс, пособия канадские немеряные и беженство за месяц. У него 92 тыщи пока на адвокатов ушло, на сегодняшний день, ему интересно послушать.

А вообще имел он в виду эту Канаду. Дороги, говорит, там все разбитые, а люди просто дрянь, франкофонишки. Особенно в Монреале.

– Ну я, говорит, им специально по-английски, по-английски все. Чтоб место свое помнили, холеры.

Он сам с Батайска Краснодарской области, Леха Жуликов.

Калифорния

А вот у котиков говорят если небо темное, то ума много. А у Пушкина не все темное, а так, половина примерно – он сейчас чемодан открыл, я вспомнила. К нам дракон вчера приходил, Рамштайном зовут, так Пушкин до сих пор на меня так смотрит, будто я при нем жабу кушала. Я потому что дракончику давала его мышек поиграть, а коту такое неприятно.

Джесси купила дракона однажды осенью, когда падали листья и лили дожди. Рами с тех пор подросла и стала немного толстовата. Это из-за кузнечиков, они слишком питательные.

Когда много гостей, дракон залезает на потолок и молча вздыхает. А на шопинг ее больше не берут, потому что Рами стесняется и прячется на парковке в чужих выхлопных трубах. Вообще-то ей уже 4 года, и по утрам она моется в душе. И иногда ей хочется уже наконец мужчину. Но Джесси считает, что второй дракон не нужен. Мужчины много едят, постоянно мусорят, и от них проблемы. Тем более что вслух Рами не жалуется, только цвинькает тихо, когда расстроена.

Скоро они уезжают в Калифорнию, выращивать овощи на продажу. Рами будет там бегать среди томатов и кукумберов. Джесси уже была трак-драйвером, рок-музыкантом, ремонтным рабочим и продавцом в фотомагазине, а овощи это новая страница. Кот тоже поедет. И обе собаки. И даже джессин fiancée, хотя вот это уж совершенно ни к чему.

* * *

Вчера смотрела кино про рысей. У нас тут много рысей живет, и bob cats, и mountain lion – это тоже вроде рыси, но с длинным хвостом. Оказывается, если где есть сноу-шу (такие лесные белые кролики), то рысь непременно тоже там поблизости отирается. И показали, как эта толстая пухлая рыська в прыжке ловит взлетевшего фазана. Метра полтора с места, и она его взяла.

* * *

Жванецкого отличает волшебный дар веселой грусти, который редко кому достается, и эта нескладная смешная печаль превращает в поэзию лучшие его вещи. Нелепый, толстый, с потной лысиной и пачкой разлезавшихся листов собственных текстов, которые он никогда не может запомнить – ММ балансирует на грани фарса, но никогда не опускается до пошлости. В нем есть природная легкость сердца и чистый слух – свойства, которым невозможно подражать. Это должно быть и бесит. Вот и вспоминай Нижний Тагил.

* * *

Туареги часто называют себя людьми под вуалью, из-за обычая закрывать лицо просторным покрывалом, выкрашенным в сухой, из-за недостатка воды, краске индиго. Вуаль, по слухам, защищает от ветра и песка – но только мужчин; женщинам, по-видимому, песок не опасен. Их так же называют голуболицыми, потому что сухой краситель, попадая на кожу, придает ей благородный синий оттенок. Чем гуще краситель, тем состоятельней окрашенный. Туарегские мужчины застенчивы и избегают показывать рот и в особенности нос – при посторонних, тем

более при начальстве. Лицо можно приоткрыть только в кругу семьи, да и то, когда на дворе достаточно стемнеет. За неимением покрывала можно прикрывать лицо руками, чтоб не нарушать приличий.

Павильон птицеводства

Да, товарищи. Был такой среди прочего Сыч. И многое должно быть в памяти моей с ним связано, а просто память у меня хреновая. Сыч был мой бойфренд года пожалуй что три в институте подряд, пока мне не удалось от него добиться Настоящего Предложения Замуж. Которое получив, я полностью убедилась в собственной неотразимости, и интерес к предмету потеряла. Через чего сыч счастливо и поспешно женился на очень миленькой галочке из нашей группы. И нарожал с ней по слухам многократных детей – о чем в точности неизвестно, потому что Галка, приобретя в распоряжение свое Сыча, перестала со мной здороваться. Однажды я даже за ней немножко погналась, в троллейбусе, и загнав в угол, стала докапываться – ты чего, Галка, не хочешь со мной разговаривать? А та молчала, как партизан на допросе, и отворачивалась. А я мысленно хохотала. Ужасная в общем история. Причем даже и теперь мне все еще не стыдно. Сыч работал столяром в столярке и делал подрамники (маленький пятерка, большой десятка, из фанеры дороже) и мелко фарцевал какой-то дрянью. После института он еще много лет играл в компьютерные игры в Промстройпроекте возле Фрунзенской – во вторник и четверг, с шести до одиннадцати, там у него знакомые. Очень выгодно, можно целый вечер играть бесплатно.

Вот такой был разносторонний человек этот сыч. Да он и теперь в бороде – я даже не узнала.

* * *

Вадик у меня через две недели интервью на гражданство. Надо выучить кучу американских героев с именами и всякие даты. А я только знаю что у президента Вашингтона нашего была челюсть вставная, и та постоянно норовила выскочить за азартным разговором. Так что он незаметно подпихивал ее обратно пальцем, а то в политическом смысле неловко. Причем, челюсть страшно натирала щеку с одной стороны, и он был вынужден то и дело принимать опий. А чтобы компенсировать мак, приходилось лакировать алкоголем. Вашингтон был настоящий герой.

Со временем мой голос будет делаться все звонче и ясней – как у тех веселых измайловских трамваев, которые начинали звенеть, и клацать, и дребезжать над ухом в пять часов утра, и звук оставался еще долго после того, как трамвай укатывался за поворот, и воздух дрожал, как после разбитого окна и комариного звона. Мы жили как на колокольне, и просыпались вместе с солнцем от радостного визга и железного лязга в мае, – а к концу лета уже не слышали ничего – и уши вместе с листьями старели, ветшали и обтрепывались.

Сегодня, между прочим, солнцестояние. Или равноденствие?

Equinox, в общем. Тут все цветет – и рододендроны, и магнолии, и сливовый цвет уже замечает дорогу, и камелии пахнут по ночам лимонным и сладким запахом бабушкиного сундука. Здравствуй, аллергия!

Вот насчет Мастера и Маргариты вышла у нас дискуссия: я вижу там параллели с «Бесами», а мистер Коробок говорит, что слизано многое с Гоголя, с «Вия» и других его рассказов про украинского черта. Похоже, что он подражал Гоголю много, хотя нигде не достиг той безумной легкости, с которой тот летел над краем слова и смысла. Но Достоевский тоже присутствует, хотя бы и тематически. Или он тоже был Гоголем заморожен?

У Булгакова мне больше всего черновики к «Театральному роману» нравятся. Там осталась такая первозданная свежесть, как будто он вот только что это записал, и ничего не редактировал, а просто вот – как в голову зашло.

И пустые комнаты я люблю. Но вещи такие хитрые, они пролезают и заводятся, как коты, а потом их неловко выгонять на улицу.

Не разлучайся, пока ты жив,
ни ради дела, ни для игры.
Любовь не стерпит, не отомстив,
она отымет свои дары.

Литературный салон, игра в рафинированность, интриги. Мережковский этот помпезный, с его маленькими обывательскими страхами. А это ведь она написала. Это просторечное, глухое «отымет». Какая страстная она была. И какая мстительная.*

Комплекс вины

Относительно же филосеры. Это наша, североамериканская мошка, которая съела виноградники Rustenberg в Южной Африке, полностью. То есть вот просто дотла пообедала, как те жабы в Австралии. Так что южноафриканское правительство, встрепенувшись, вынуждено было закупать лозу в Чили, куда проклятая филосера вроде бы еще не добралась – а до всех остальных континентов она таки добралась, и все там пожрала, включая редиску, осенние бобы и патиссоны, так что больше закупаться было негде, – закупать чилийскую лозу за свои южноафриканские деньги. Восстанавливать виноградники. Хотя коренные африканцы были очень против и все как один бубнили, что мол че там, се равно та мошка прилетит, посядет и все поест, гляди барин, проторгуешься. Но золото потратили и лозу привезли, и посадили снова виноград, и вино из того винограда было настолько хорошо, что его покупали томские купцы и возили в свою Сибирь аккурат перед Колчаком и русской революцией.

Все это тайно передали мистеру Коробку дети тех потраченных филосерой южноафриканских евреев, через чего мы приобрели у себя в америке Rustenberg из одного только уважения к негритянской мошке, чилийской лозе и еврейскому вопросу, благодаря всего которого и пьем теперь калифорнийское вино Коган, которое намного лучше, значительно дешевле и о котором собственно я и хотела тебе теперь сообщить.

* * *

потому что она умела ломать барьеры. Мухина ведь родилась в купеческой семье, и чтобы заниматься искусством, как делом своей жизни, ей пришлось пренебречь

*З.Гиппиус

очень жесткими сословными рамками, порвать со средой, из которой она вышла и к которой принадлежала ее семья. Творчество, которое она для себя выбрала – жанр далеко не женский. Но она услышала свою природу и не испугалась. Она была упрямая и страстная. И это осталось после нее в ее колхозницах: жажда жизни.

* * *

...тут ведь дома брошенные не сжигают, как на родинке нашей. Они просто стоят, пока не упадут от времени. И машины стоят, травой порастают. Кто их знает, о чем они думают.

И вот человек один, из Канзаса, решил открыть самый крутой в мире морской курорт в Орегоне. И он взял землю на косе узкой и построил там отель, grocery store и гольфовое поле. А самое главное – Самый Большой в Мире Бассейн с соленой водой. Ну, на Pacific Northwest уж точно самый большой. Во всяком случае, самый большой в той местности бассейн точно. Народ кстати это дело понял тоже и начал плотно селиться вокруг по соседству. Курорт же. Это все недавно было, вы не подумайте. Сто лет буквально назад. А потом что-то случилось однажды. Этот человек, реал естейтор этот техасский, он впал в необузданную ярость осенней ночью. За стеной метались и выли ветра, и океан ревел и грохал в темноте неукротимо и страшно. Он в страшном тоже гневе выскочил из дому и побежал в неизвестном направлении. И никто никогда его больше не видел. Это все жена его рассказала впоследствии. Ну может и не наврала конечно. Хотя сомнительно все же.

А потом океанские течения изменили свое настроение и косу начал слизывать океан. Сначала исчезла одна улица, потом другая, потом grocery store и гольфное поле. Потом море слизало бассейн, и отель тоже пропал, и жена того человека куда-то исчезла. С тех пор только океан там ревет и мечется – каждый день, круглый год. И волны летят и грохают в каменный берег, и указатель на хайвее стоит: Ghost town Bay Ocean. А стрелка в море показывает.

Богословие

Все-таки знаешь, не буду я господу благодарить за Пушкина. Сам криволапый, морда хамская, глаза круглые, как пуговицы. И царапается, царапается, царапается. Уже до до края подхожу – пускаю на двор по два раза в сутки: никто не крадет, хоть тресни. Ну понятно, кому такая дрянь нужна. Сегодня камень уронил вулканический с подоконника – а ему ведь миллионы лет! Ест тоже постоянно, и все такое дорогое. Когти растопыривает. Плюс все время приходится оплачивать ему блох, а ум, который предвещает нам темное нёбо, что-то все никак не проснется.

А как он жалостно прикладывает лапочку к груди, когда домой просится!

– Вы меня еще помните? Это я, ваш Пушкин. Пустите пожалуйста.

И переминается трогательно, на цыпочках. Мурлыкать он кое-как выучился, но будет бестактным благодарить бога отдельно за мурлыканье. Он может догадаться про остальное, и ему будет неприятно. Пропаду я с этой деликатностью.

А один старичок, кстати, в Новой Зеландии на прошлой неделе ежиком в мальчишку бросил. И ему сейчас срок дают, фашисту. И в это время я тебе пишу.

Интересно все-таки, господу осведомители нужны или нет.

Lakatos

...какие пальчики у него толстые, как сосиски. Как он ими перебирает. И сонные глаза конокрада. Играет, а сам публику пасет. Как-то это легко у него получается, как шнурки у граждан на ходу вынимать.

Чем-то он мне Моцарта напоминает. Роби-то наш к тому же венгерский цыган оказался, а венгры, они самые плуты среди евреев. Когда ты с венгерским турком в двериходишь одновременно, так он уже заранее оттуда вышел, причем с твоим же сразу кошельком. У него одна из самых высоких в мире скрипичных квалификаций. И папа Робин был такой же крупный жулик.

Мое литературное имя и имя для повседневной жизни теперь неразличимы только в японском; для всех же остальных, как и прежде, остается два разных лица.

Окно в Европу

Заходим мы с Гундариным в бутик на Банном. Мы тогда у родителей моих вписывались, они куда-то уехали, а я как раз по случаю развелась немедленно. И вот значит подались на шопинг. Причем там раньше просто молочный был магазин, и крупы еще продавали, а теперь отошли от этого.

Пуфики кругом толстые, на тумбочках в художественном беспорядке уединенные экземпляры ботинок расположены, на полу ковер волосатый, свет приглушенный, а на стенах картины в золотых рамах обувной тематики. И музыка медитативная – обо всем сапожном, но в философском смысле. Просто как в храм практически зашли, божий.

Халдеи сразу повылазили с углов и изготовились – как мы вам можем помочь? Помочь вам надо? Вам помогать как?

У меня тут же скромность усилилась, а Гундарин так прохаживается неторопливо.

– Мы, говорит, позовем вас позднее.

И ботиночки руками своими хватает цинично. Один, другой. Потом на пуфик присел, примерять пустился.

– А теперь пару принесите.

– А давайте теперь другой размер попробуем.

– А полноты побольше что, нету?

– А что это цвет такой скучный?

Халдей рядом переминается – украсть же можем. Но молчит, потому что хрен его знает. Гундарин ботиночек стаскивает наконец последний, и говорит с укоризною:

– А что это, любезный, цифры у вас такие на ценниках несущественные?

– Цены указаны в долларах. У.Е. Понятно?

– Ага, говорит Гундарин. – В долларах, значит. Мда. Пошли отсюда, Аньк. Мы мелкие люди.

Ну и пошли. А чего мелкие-то сразу.

* * *

Про Фридмана историю не осилила, очень уж словьев много. Но положительное тоже есть: изложено связно, и орфография чудесно хороша. На фоне современной отечественной речи, у литераторов принятой, это сочинение можно пожалуй рассматривать и как вершину местную, да-да! И все-таки жаль, что та веселая легкость и беспечная любовь, с которой был написан когда-то «Затворник и Шестипалый», покинули автора навсегда. Должно быть, именно это пространство в голове его занял теперь надежный и хозяйственный профессионализм. Посредственность бессмертна.

Дело даже не в том, что раньше лучше писали, или, там, великие все померли, а мы тут одни остались, а в том, что словесные уродства, растиражированные повсеместно, уже не терзают глаз. Привыкли – к корявой речи, к безграмотству, к подзаборной лексике. А падонкафский язык это остроумно и неординарно. И литература, которая на всем этом гумусе растет, она уже не сфера творчества или пространство для духовных прорывов, а просто форма сервиса для социума.

И господин Пелевин в эту структуру клево встроился. Он, правда, так и не определился до конца с ориентацией – то ли плюнуть на амбиции и раскатывать жареное на заказ, то ли продолжать позу элитарного гения для посвященных. Между этих двух табуреток приходится много вертеться. Все жадность проклятая. Ну ниче, у него суставы подвижные.

А «Затворник и Шестипалый» мой любимый рассказ всегда был. Я вот его до сих пор читаю и ржу. Классный он был писатель.

* * *

Сегодня узнала достоверно, что в Москве давно уже продвинутые люди варят яйца в яйцеварке. И у многих – цветные холодильники. Пушкин съел чек из спортивного магазина, когда узнал. Распереживался. Зачем, зачем я не купила электрический размешиватель для салата! И ручной кививыниматель. Тут еще продают пневматический газоподдуватель для оптимизации обстоятельств хранения красного вина в распечатанных бутылках. Вынул пробку, подпустил газку – и продолжаешь трезвую жизнь. Сушикрутку мне надо приобрести, вот чего. А то людей стыдно.

Мы проехали 6000 миль (это много), мы были в Аризоне, Юте и Неваде, и в мертвой пустыне Калифорнии, мы видели Большой Каньон и иудействующих мормонов в Сионе, мы покупали бирюзу у угрюмых индейцев и собирали цветные камни с отпечатками доисторических рыб, а потом у машины немножко сломался руль, и темный дым меланхолично поднимался из двигателя в ковбойских сумерках, но мы все-таки въехали еще пару раз на одну дикую гору в Орегоне, чтобы посмотреть на озеро Дикой Лошади и Млечный Путь, ночью.

А дома тем часом сбежал неожиданно кот, прямо под мой день рождения. Скотина. Он вернулся часа через 2 после нашего приезда, и после четырехдневного отсутствия. Весь в репьях и грязный как будто в мусорной яме спал, имя причем ему Пушкин, по-прежнему.

Numidia Cirtensis

Высокие светловолосые воины с синими глазами. Говорят, они появились когда на земле еще не было смерти, и люди, состарившись, превращались в змей. Светлокожие северяне. Никто не знает, откуда пришли они в Африку – из Индии, Европы, с островов? Они называли себя гарамантами и, кажется, от них произошли потом те, которые назвались имаджеганы, что означает благородные. Они были упрямы и воинственны, и дольше всех сопротивлялись исламу, за что были названы отверженными богом – туарегами. Но сами они предпочитали слово имошаги – свободные. Вольнодумство было у них в крови. Они владели стадами верблюдов и никогда не оседали на месте. Их ремесленники изготавливали мечи и седла; они не строили городов и воевали с римлянами. Они были упрямы. Их звездой был Сириус, а их следы теряются во мгле. Аменокаль, икланы, инедены – слова этого языка перекатываются во рту как гладкие морские камушки. Какой океан катал их в своем прибое?